

ПЕРМАНЕНТНЫЕ ВЫБОРЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Янов Полесский

Все мы воспитывались на идеалах революции, и те, кто сегодня называет революционеров негодяями, — люди испорченные. Причем испорченность не делает их привлекательными.

Оскар Уайльд — в интервью «Радио Свобода»

Одна из основных целей данной публикации — поддержать идею, вернее, форс-идею перманентных выборов, которую выдвинул Сергей Паньковский. В идее перманентных выборов, впрочем, момент авторства не принципиален, ибо она сама суть порождение объективного стечения обстоятельств, которые в нашем случае являются форс-мажорными. Дело в том, что третья навигация г-на Лукашенко совершается под прикрытием недоразумений, порожденных тем фактом, что можно с чистой совестью говорить о проблемных и неоднозначных структурах постсоветского и светского государства на языке «демократического выбора», который сообщает им совершенно иное основание и тем самым готовит их преодоление. Если, другими словами, постоянно апеллировать к «воле народа» как осевому легитимату политического режима, то эта воля рано или поздно избавится от налагаемых на нее ограничений и найдет свое выражение посредством выборов, признанных честными и справедливыми.

В нашем случае это означает, пишет С. Паньковский, «что 19 марта теперь имеет шанс возобновиться в любой из последующих дней, послезавтра или через год, превращаясь в неустрашимую константу, с которой, как и с любым принципом, невозможно окончательно расправиться даже с помощью танков»¹. Принцип перманентных выборов, или, если угодно, принцип Справедливости — это такая бесконечно возобновляемая ситуация, которая «дело принципа» — честные и справедливые выборы — ставит выше принципа лояльности (или приверженности) конкретному курсу, конкретной фигуре или группе лиц, этот курс олицетворяющей.

С другой стороны, принцип перманентных выборов равнозначен принципу перманентной революции — тождество между ними как раз и обеспечивается известным зазором между демократией как конституционной формой и наличными политическими практиками как формой бытующей. Происходящие на постсоветском пространстве цветные революции, которые нередко истолковываются как «толчок застрявшей машины “демократического” транзита»², исполнены легитимистскими пафосом и стилистикой и, таким образом, направлены на пре-

одоление этого зазора. Перманентные выборы как неустранимый принцип политики состоит, следовательно, в революционном движении, которое призвано переигрывать «неизбирабельную» ситуацию настоящего до тех пор, пока не наступит будущее. В действительности речь идет об определенном смещении в центральном принципе легитимации — от «общей воли» к предусловиям, единственно обеспечивающим адекватное выражение этой воли.

Революционная ситуация как «естественное» состояние

Подавляющее большинство анализов, взвешивающих постсоветикум на предмет «революционной ситуации» (т. е. возможности цветных революций), по моему мнению, имплицитно три презумпции, препятствующие адекватной (или удовлетворительной) диагностике социальной ситуации:

— намерения агентов в целом согласуются с последствиями их действий (так, например, белорусские власти пытались предотвратить революцию — им это удалось, оппозиция пыталась закрепить за собой определенные зоны влияния — ей также это удалось);

— власть, т. е. контрреволюционный по определению класс, не может выступать агентом революции; таковым является исключительно революционный класс (например, «оппозиция при решающей поддержке Запада»);

— «революционную ситуацию» можно просчитать исходя из текущего положения дел.

Три эти презумпции являются взаимосвязанными и взаимонаправленными. Так, например, исключение из триады «намерения — действия — последствия» среднего звена — возможных действий агентов (и, соответственно, непредсказуемых последствий этих действий) — позволяет рассматривать текущую ситуацию в качестве «просчитываемой» в аспекте последующих состояний. Вместе с тем необходимость задать определенный «горизонт прогнозирования» предполагает выполнение специфических условий прогноза — например, следует считать, что контрреволюционный класс не подыгрывает (против воли, разумеется) своим противникам, т. е., опять же, его действия не противоречат его намерениям.

Зимгунт Бауман далеко не первый, кто ставит под сомнение правомерность «правовой системы» (legal framework), объясняющей случившееся целью, которую поставил перед собой агент, а его действие рассматривающей как такое поведение, «которое своей конечной причиной и объяснением имеет намерения агента»³. Убийство Цезаря — полюбившийся политическим писателям гегелевский пример, призванный проиллюстрировать механику «хитрости разума», которая меняет местами намерения и последствия. Осознанной целью заговорщиков, противников Цезаря, было восстановление Республики, конечным результатом — восстановление Империи, т. е. нечто прямо противоположное. Так павший под кинжалами заговорщиков

Цезарь — благодаря исторической «хитрости разума» — возрождается в институте цезаризма.

Таким же образом произошедшая в Украине цветная революция — это не только и не столько результат непосредственных и осознанных намерений оппозиции во главе с В. Ющенко, но также эффект вмешательства в ситуацию контрреволюционных сил (в частности российских политтехнологов), стремящихся исключить возможность повторения грузинской «революции роз». Именно это вмешательство во многом предопределило «оранжевый» исход, именно это вмешательство чаще всего исключается при анализе революционной ситуации в Украине 2004 г., поскольку предполагается, что контрреволюционные силы не могут подыгрывать своим противникам — как правило, революционерам поневоле. Действительно, если бы оппозиции была предоставлена возможность заниматься своим делом — политикой, ей не пришлось бы заниматься «уличной демократией» как экстремальной разновидностью политики (то есть революцией, в сколь бы безобидных формах она ни выражалась). Следуя «охранительному» инстинкту и приписывая оппозиции самые невероятные намерения («развал государства», «продажа суверенитета» и пр.), власти самым неожиданным образом превращаются в инициаторов революционного спектакля. В этой связи знаменитую формулу Пьера Вернио: «революция — как Сатурн, она пожирает собственных детей» — следует рассматривать таким образом, чтобы она «располагалась» в противоположном углу собственной интенции. Всякий, кто знаком с историями революций, прекрасно знает, что она пожирает собственных отцов. Которые, вдобавок, исчезают в желудках детей. Эдип, а не Сатурн — вот действительная персонификация революции.

Наконец, третья презумпция, на которой базировались основные заключения по поводу (не)возможности революции в Беларуси, рассчитанной по украинскому сценарию, обставляется серией параметров, якобы соответствующих «революционной ситуации» (власть слаба, оппозиция сильна, популярна в массах и пр.). Здесь вполне можно обратиться к «каноническому» примеру. Если верить, например, Ричарду Пайпсу⁴, в момент, предшествовавший февральской революции 1917 г., царское правительство выглядело довольно сильным: в его распоряжении находилась многочисленная армия, жандармерия, полицейские силы, и господствовало мнение, что это правительство все контролирует и широко поддерживается населением. С другой стороны, оппозиция — довольно слаба, раздроблена, лишена даже призрачной надежды на консолидацию и раздираема внутренними противоречиями. На общем фоне наиболее внушительно выглядят социалисты Керенского, меньшевики (серьезно организована работа в крупных промышленных центрах), эсеры (лучше других организована работа в регионах). В общем, трудно понять, почему в итоге именно большевики сумели повернуть ситуацию в свою пользу.

Ретроспективно может казаться, что украинская оппозиция накануне президентских выборов была чрезвычайно консолидирована, сплочена, популярна в массах и пр. Однако — это ее финальное, соб-

ственно предреволюционное состояние, когда вопрос политических предпочтений ставится в предельных терминах. Количество кандидатов в президенты (26!) — что называется, хороший показатель состояния оппозиции накануне первого тура выборов в Украине. То же самое верно и в отношении Грузии. Короче говоря, очень редко в подобных ситуациях (которые часто квалифицируются как «революционные») побеждает самый «сильный» и «популярный». И, собственно говоря, разве Беларусь образца 1994 г., т. е. перехода от парламентской к президентской форме правления, не является примером того же рода?

В действительности всякая революция потому и является революцией, что не проистекает из «объективно» данной ситуации и представляет собой скачок, провал, «недетерминированный» разрыв с предшествующей ситуацией. Революция — это всегда живая иллюстрация эффекта, именуемого Д. Лукачем *Augenblick*, — момента для неожиданного вмешательства в ситуацию, усиления конфликта, прежде чем воображаемая глобальная матрица успеет приспособиться к обстоятельствам. *Augenblick* находит свои параллели в альтюссерровской идее «сверхдетерминации» и в том, что Ален Бадью определяет как Случай (*the Event*): вмешательство, которое нельзя просчитать из «объективного» положения вещей.

Еще раз обратимся к «канону». Февральская революция 1917 г. была полной неожиданностью не только для властей либо функционеров рабочего движения, но и для Ленина. В то время он находился в Цюрихе, и там, выступая в январе 1917-го перед социалистической молодежью, сказал, что мы, старшее поколение, вероятно, не доживем до решающей битвы будущей революции. То есть, он совершенно не рассчитывал на пролетарскую революцию в ближайшее время (революция, к примеру, невозможна, когда еще не сложился «революционный класс»). Многие историки говорят о том, что Ленин не был в курсе событий, происходящих в России. Это верно, но верно и другое: в тот момент он все еще четко следовал марксистскому положению о «революционной ситуации». Позже, спустя несколько месяцев, он совершенно укрепится в убеждении, что минимальные предпосылки для такой ситуации существуют всегда.

Иными словами: всякое общество потенциально конфликтно, и (не)устойчивость социальной системы во многом определяется, с одной стороны, способностью власти не актуализировать этот конфликт, с другой — способностью революционеров актуализировать конфликт в некий «неожиданный» момент (*Augenblick*). Революционная, или предреволюционная, ситуация, следовательно, — это перманентное состояние общества. Возможность не обострять ситуацию находится в пределах, определяемых способностью общества (и политической системы в частности) изыскивать «эволюционные» пути и средства развития. Нынешняя Беларусь эти возможности практически исчерпала.

Пророчество: от возможности — к действительности

В политической стратегии, которая призвана гуманизировать или демократизировать политическое поле, пожалуй, наиболее эффективным является self-fulfilling prophesy, самореализующееся пророчество. Как следует из вышесказанного, политические эксперты, прилежно перечислявшие факторы, приведшие к «майдану», игнорировали главные из них: а) «фасадность» демократии с ее скрытой возможностью срастания маски с лицом, б) совокупность мер, призванных предотвратить такое срастание, предотвратить «повторение революции роз» (которая произошла, напомним, в Грузии). Таким же образом многое из того, что происходит сегодня в Беларуси, представляет собой точный цикл самореализующегося пророчества.

Говоря коротко, self-fulfilling prophesy — это структура события, при котором судьба (история) является эффектом пророчества. Термин был предложен американским социологом Р. Мертоном для предсказаний, стихийно «управляющих» поведением людей и приводящих к ожидаемым результатам. К. Поппер именуется подобный феномен «эдиповым эффектом», а психологи Р. Розенталь и Л. Якобсон — «эффектом Пигмалиона». Можно выделить три компонента подобной структуры события (игры, действия):

- наличие пророчества (например, предсказание Тиресия о том, что Эдип убьет своего отца, царя Фив Лая, и женится на своей матери — Иокасте);

- реакция на пророчество, попытка избежать нежелательных альтернатив (Эдипа изолируют);

- истинностное подтверждение ложного пророчества (Эдип — прежде всего по причине неузнавания, связанного с предшествующей изоляцией, — убивает Лая и женится на Иокасте).

Таким образом, при подобной игровой стратегии ложное может превратиться в истинное, а возможное — в действительное. У Гегеля, как уже замечено выше, сходным образом выстроена концепция «хитрости разума» (если за пророчество принимать ту часть осознанных намерений, которая связана с избеганием нежелательных альтернатив), у Маркса — концепция «понижения нормы прибыли». Таким же образом реагируют, например, биржевые курсы, реализуются практики в бизнес-системах и пр.

После известных событий в Украине белорусские власти и их противники столь часто рассуждали о возможности/невозможности «оранжевой революции», столь часто — по поводу и без повода — употребляли это словосочетание, что революция из области чистой возможности переместилась в область реальной возможности. В область, непосредственно граничащую с действительностью.

Из тех мер и мероприятий, которые были предприняты для предотвращения «оранжевого сценария», можно было бы составить объемный каталог. Начать с того, что когда еще в помине не было никакого Милинкевича и даже самые горячие сторонники демократии не

верили в скорую возможность перемен, Лукашенко и его подручные начали постепенно приучать электорат к мысли о том, что революция все же может произойти. Этой отчасти мнимой угрозой (сегодня уже сложно сказать, насколько мнимой) подпиралась и обосновывалась группа пропагандистских и контрпропагандистских, а также реорганизационно-репрессивных мероприятий, направленных на стабилизацию, казалось бы, без того стабильной ситуации процветания.

Навязчивое преувеличение пропагандой значения и роли потенциально «оранжевой» оппозиции сказалось хотя бы в том, что граждане страны узнали о существовании «пятерки плюс». В ситуации, когда изъезженным местом была констатация «слабости и раздробленности» партийной оппозиции, та поверила в свой потенциал, провела Конгресс демократических сил, который, собственно, и дал молчаливому меньшинству (в перспективе – большинству, коль скоро молчит именно оно) Александра Милинкевича, человека, призванного воплощать возможность изменений к лучшему.

Процесс формирования оппозиционной (в перспективе – четко позиционированной и позитивной) политической стратегии наложился на другой процесс – на сей раз спровоцированный серией мероприятий, которые выше помечены в качестве реорганизационно-репрессивных. Подобные действия – просто в силу «аппаратной» архитектуры власти – практиковались на протяжении всего периода правления Лукашенко, но были в значительной степени интенсифицированы после того, как администрацию президента возглавил В. Шейман, а КГБ – С. Сухоренко. Благодаря совокупности подобных действий государственный аппарат лишился целой группы профессионалов и просто инициативных людей, в большинстве своем оказавшихся в «оппозиции». Кто-то из них стал делиться с оппозицией (партийной и гражданской) ценной информацией, кто-то – идеями, кто-то – из тех, что убыли за рубеж, – деньгами. Эффектная раскрутка фигуры Александра Козулина – явление того же ряда.

Важно отметить, что первоначально оппозиция вовсе не рассчитывала на возможность революционного сценария и ограничивала свои притязания некоей «информационной кампанией», которая позволила бы закрепиться на «отвоёванных позициях». Вообще говоря, планы оппозиции были мечены своеобразной двусмысленностью. Так, например, А. Милинкевич публично отрекался от приверженности революционному действию и одновременно призывал народ прийти на площадь 19 марта. Эта двусмысленность – прямое следствие ситуации, при которой основным намерением партийной оппозиции являлась победа в «легальной» политической игре, основным непреднамеренным действием – подрыв ее правил, навязываемых властью.

Можно утверждать, что власть назначила оппозиционных лидеров на роль неудачливых революционеров, которые, впрочем, с этой ролью и справлялись не очень успешно – не в последний черед, по причине активного вмешательства самих властей. Там, где Милинкевич и Козулин должны были выступать в роли «революционеров», они призывали к спокойствию и примирению, там, где они должны

были очевидным образом проигрывать, — вели в счете (т. е. довольно эффективно использовали те скудные средства, которыми располагали). В любом случае им удалось главное — «подтвердить» видимость угрозы, в которую правящая группировка всерьез верила.

В целом же, властям удалось выполнить несколько предусловий, которые, собственно, и придали победе Лукашенко тот несмыаемый привкус сомнительности, который будет сопровождать эту «победу» вплоть до исчерпания всех ее эффектов, а также — эффектов этих эффектов:

1. Раскрыв «заговор социологов» (НИИСЭПИ закрыт, лаборатория «Новак» не имеет соответствующей лицензии), власть тем самым создала благоприятные условия для войны цифр. Если до какого-то момента в Беларуси существовали профессиональные репутации социологов, какие-то возможности для проверки данных и пр., то сегодня всякий может называть любые понравившиеся ему цифры. В ситуации устранения профессиональной социологии и радикальной деформации медиа-пространства социология производится прямо на улице. С одной стороны, множатся слухи. С другой — всякое упоминание «улицы» («майдана» и пр.) увеличивает шансы выхода людей на улицу (которые, разумеется, нуждаются в новых слухах). Короче говоря, когда значение социологической информации девальвируется, единственным показателем настроений избирателей становится их число на улице — вовсе не данные ЦИК или какого-нибудь ЭКОМ.

2. Власть прибегла к «альтернативам избежания», т. е. набору самодискредитирующих приемов (угроз и акций подавления), о чем будет сказано ниже.

3. Сама структура самореализующегося пророчества предполагает, что попытки избежать его ведут к известному финалу. В данном случае речь идет о том, что интенсивное формирование образа «оранжевого врага» (в нашем случае — джинсового врага, который повсюду и повсеместно) с неизбежностью влечет за собой увеличение его значимости, а меры, направленные на борьбу с ним — т. е., по сути дела, с ветряными мельницами, — попадают мимо цели. Пророчество, таким образом, изначально вписано в структуру революционного действия (видимо, по этой причине Маркс и говорил: призрак коммунизма бродит по Европе; Марксово пророчество не сработало главным образом там, где власть не слишком активно купировала активность «революционных сил»).

Итак, мы видим, как материализуются страхи правящей группировки: мнимая угроза становится действительной, а настойчивые попытки ее избежать меняют общественное сознание, способствуют коренной перестройке структуры политического поля.

Еще раз Эдип: дети революции

Для устойчивой власти в современных обществах, напоминает Никлас Луман, характерно широкое число степеней свободы и способность власти «добиваться признания своих решений при наличии привлекательных альтернатив действия или бездействия»⁵. При этом власть покоится на том, что «существуют возможности, реализации которых стараются избежать... Когда власть вынуждают обращаться к альтернативам избегания, власть разрушается»⁶, поскольку необратимо меняется структура социальной коммуникации, определяемая кодом власти. Это следует понимать следующим образом: чем больше власть способна предложить соблазнительных альтернатив и одновременно – обойти пограничные «альтернативы избегания» (т. е. подавление, принуждение, насилие) – тем более она устойчива. В этом смысле очевидно, что режим Лукашенко все более интенсивно генерирует «код революции», поскольку сеет насилие и попирает собственные идеологические модули («мир», «стабильность», «безопасность»).

Усиление государства в духе «белорусской модели» – это, безусловно, симптом слабости власти, символизируемый, с одной стороны, падением доверия к ней, а с другой – игнорированием властью тех самых альтернативных возможностей (соблазнительных перспектив), которые превращаются в элементы проективных утопий, предлагаемых оппонентами власти. Более того, известный финал «выборов» – разгон Нового города на Октябрьской площади, арест сотен участников манифестации, движущихся на Окрестина, – свидетельство исчерпанности даже пресловутого административного ресурса. Сила оружия и угрозы – вот единственный ресурс, которым режим Лукашенко все еще располагает.

Уже в канун 19 марта можно было фиксировать своего рода «ничью»: власть не может управлять по-старому, оппозиция – по-старому оппонировать. К настоящему моменту это положение не изменилось: контроль власти уже не распространяется на многие «привычные» зоны, партийная оппозиция контролирует, например, контакты с Западом, хотя ситуация в целом выпадает из-под ее контроля. Здесь на первый план и выдвигается «третья сила» – гражданское сопротивление, те самые «дети революции», в желудках которых предположительно должны исчезнуть ее отцы-инициаторы (включая, конечно, Лукашенко). Как отмечают в свои диалогах М. Жбанков и А. Расинский, события, последовавшие после 19 марта, заставляют по-новому взглянуть на формулу, которую некогда озвучил А. Милинкевич: «Это будет революция духа»⁷.

Сегодня многие комментаторы склоняются к тому, что эта революция – не столько прикладного политического, сколько духовного, символического плана, – происходит. С одной стороны, мы имеем всплеск низового демократического сопротивления (во многом связанный с тем, что власть изолировала часть партийных активистов), в более широком смысле – процесс политизации общества в целом. С другой – относительную беспомощность лидеров (Милинкевича, Ко-

зулина, Лукашенко), которые должны находиться впереди процесса, но в действительности отстают на шаг от реального его развития. Говоря о революции духа, М. Жбанков, отмечает два обстоятельства. Во-первых, это не столько революция Милинкевича, сколько революция каждого из независимо мыслящих людей, отдельно взятых граждан («гражданская революция»), «где каждый выступает не солдатом некоего вождя, а сражается за себя. За свое право независимого суждения, свободного выбора власти и формы самореализации». А во-вторых, «...в этом есть и слабый момент – движение лишено центра, а значит, неуправляемо. Протест без центра и без вождей. Городок на Октябрьской площади – резонанс, совпадение нескольких сотен и тысяч индивидуальных жизненных проектов»⁸.

Следует, тем не менее, в самой этой децентрированности движения видеть и сильный момент: никто не управляет ризомой, и по этой самой причине она неуничтожима. Усматривать революцию мы можем уже в самом наличии такого самоорганизующегося движения: словно реальное развитие общества происходило под покровом социальной сети, вне зависимости от той паузы в «транзите», которую взяла власть. В любом случае мы можем говорить о том, что «гражданское сопротивление» становится реальным персонажем перманентной революции, в то время как все прочие – власть, партийная оппозиция, конформистское большинство – ее декорациями.

Многими уже высказана мысль о том, что происходит процесс объединения нации, но отнюдь не в некоем умозрительном, кем-то придуманном варианте. Как отмечает Жбанков, происходит спонтанное объединение индивидуальных судеб в коллективный проект-сценарий, который создается независимо от тех, кто претендует на его авторство^[9]. Неустранимой константой этого объединительного процесса остается принцип перманентных выборов, предполагающий, что мы должны выбирать не столько вождей, не столько конкретный курс, сколько сам принцип, позволяющий этот выбор делать.

В известном смысле можно утверждать, что революционная корректировка ожидает все постсоветские режимы. Это не означает, что «оранжевая революция» будет прямо транслирована из Украины вовне: в строгом смысле всякая революция контекстуальна, т. е. не подчиняется универсальной революционной технологии. Постсоветская авторитарная форма организации власти будет радикально преобразована, и эта возможность изначально предполагается данной формой политической организации. Демократическая декорация рано или поздно станет подлинным лицом режима.

Примечания

1. Паньковский С. *Перманентные выборы* // «Наше мнение», 09.03.06: <http://www.nmby.org/pub/060306/09-m.html>
2. Макаренко Б. «Цветные революции» в контексте демократического транзита «Мир перемен». № 3. 16.01.2006 // Текст на Политком.Ру: <http://www.politcom.ru/article.php?id=2025>
3. Бауман З. *Свобода*. М.: Новое издательство, 2006. С. 15
4. *Революция 1917 года и Гражданская война в России* // Эфир «Радио свобода»: <http://www.svoboda.org/programs/cicles/civilwar/civilwar.19970504.asp>
5. Луман Н. *Власть*. М.: Праксис, 2001. С. 1.
6. Там же. С. 40.
7. Жбанков М., Расінскі А. *Рэвалюцыя духа, якой не чакалі. Борьба идет не за вождей, а за свободу личного выбора* // «Наше мнение», 25.03.06: <http://www.nmby.org/pub/060306/25-d.html>
8. Там же.
9. Там же.